

ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫ АНБЕЛАРУСІ  
ГІСТАРЫЧНА —АРХЕАЛАГІЧНЫ ЗБОРНІК

№ 11

## БЕЛАРУСЬ

У СІСТЭМЕ ЕЎРАПЕЙСКІХ КУЛЬТУРНЫХ  
СУВЯЗЯЎ



МІНСК

1997

**БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Обычно, говоря о больших курганах эпохи Древней Руси, имеют в виду могильники Гнездова, Киева, Чернигова и его окрестностей. Памятники Северной Руси и других территорий в этот перечень не включаются, между тем исследования последних лет и проработка полученных ранее материалов дают возможность расширить круг памятников, отразивших в своих материалах сложный процесс социальной стратификации древнерусского общества.

Большие курганы входят в состав так называемых “дружинных могильников” вблизи торгово-ремесленных и военно-административных центров на важнейших водных путях эпохи средневековья. Со второй половины X в. в этих некрополях начинают сооружать насыпи, отличающиеся от остальных размерами, количеством и разнообразием погребального инвентаря, жертвоприношений и пр. Разлитничные поселения объединяли традиции разных народов и становились центрами формирования древнерусских группировок. С определенного момента наблюдается смешение погребальной обрядности на основе различных по традициям похоронных ритуалов, появляются “вещи-гибриды”, соединяющие в себе различные художественные стили и техническое исполнение. Этническая атрибуция комплексов этого времени крайне затруднена. Происходившие социальные изменения нашли свое отражение в облике больших курганов. Материалы больших курганов Гнездова, Киева и Чернигова и его окрестностей давно введены в научный оборот, им посвящены специальные работы (Булкин, 1975. С. 134--145; Каргер, 1958. С. 127--230; Рыбаков, 1949. С. 14--53).

Недавние работы в Тимереве дали новый и важный материал для характеристики этого известного памятника под Ярославлем. В свою очередь, появление новых материалов стимулировало проработку уже известных данных из ярославских могильников — Петровского и Михайловского.

В Петровском могильнике немногочисленные курганы с оружием выделяются размерами среди прочих и расположены в одной определенной части кладбища — на западной окраине некрополя (Недошивина, 1963. С. 61). Один из них (курган N38) содержал остатки трупосожжения мужчины с северной ориентировкой, в инвентаре — богатый поясной набор, навершие меча, остатки лука и колчана, весы с двумя гирьками, костяные острие и орнаментированный гребень, шип, нож, замок

кубической формы, обломки костяных, бронзовых и железных предметов, лепного сосуда. На кострище обнаружены также кости ягненка, птицы и рыбы (Ярославское Поволжье, 1963. Приложения). Перед нами — типичный комплекс большого кургана X столетия.

Анализ материалов Михайловского могильника убеждает нас в наличии аналогичных насыпей, отличающихся от остальных размерами, элементами погребальной обрядности, находками предметов вооружения (прежде всего мечей и копий), наборных поясов, фибул, предметов культа, монет и пр. Так, курганы с мечами в Михайловском были в два-три раза выше и больше в диаметре, чем синхронные насыпи (Недошивина, 1963. С. 55). Некоторые комплексы отличаются усложненным ритуалом, например, помещением погребального инвентаря, в том числе оружия, в железный котел (курган N34 раскопок 1898 г.) или сломанного меча на урну с золой, углем и кальцинированными костями (курган N12, 1902 г.) и др. Отмеченные детали погребального обряда сближают перечисленные комплексы с курганами Гнездова. Дружинные курганы Михайловского могильника концентрируются в северо-восточной части некрополя — погребения с копьями первой половины XI в. находятся рядом с более ранними курганами с мечами и стрелами. В этой же части могильника располагаются и все богатые женские захоронения со скандинавскими фибулами. Н.Г. Недошивина отмечала “более аристократический” характер воинских захоронений Михайловского могильника, чем захоронения воинов в Тимереве (Недошивина, 1963. С. 61). Однако это было отчасти справедливо до возобновления исследований в Тимеревском могильнике курганов, насыпи которых имели следы кладоискательских ям и несовершенных раскопок археологов прошлого. В числе последних — наиболее крупные насыпи курганов NN285, 297 и 382, исследованные автором в 1984 — 1989 гг. Кратко охарактеризуем их. Насыпь кургана 285 (Седых, 1988. С. 89--90) носила следы раскопок в виде траншеи, ориентированной строго по линии С-Ю, и ямы в центральной части, дошедших до материка. Диаметр насыпи 23 м, высота 1,9 м. Курган имел плоскую вершину диаметром около 10 м. Остатки сожжения дошли в непотревоженном виде: оно производилось на площадке размерами 6 x 6 м, затем остатки его были собраны в кучу. В ней найдены богатый поясной набор, состоящий из пряжки и нескольких десятков бляшек, детали шкатулки, фрагменты

плетения из золотых нитей, кусочки тонкого серебряного листа, орнаментированная костяная копоушка, серебряный перстень с сердоликовой вставкой, бусы из сердолика и два лепных горшка в обломках. Часть кальцинированных костей вместе с инвентарем — орнаментированные костяные копоушка и гребень, бусы из стекла и горного хрусталя, железная заклепка, привеска из кости — была вынесена в насыпь. В ней же было обнаружено погребение собаки. На кострище были сожжены взрослые — мужчина и женщина, ребенок, а также лошадь, собака (волк?) и птицы. Под насыпью кургана 297 (диаметр 16,5 м, высота 1,55 м), имевшей следы кладоскательских раскопок в виде ямы, обнаружено парное женское погребение (30--45 и 11--13 лет) по обряду ингумации с западной ориентировкой в камерной гробнице (Седых, 1987. С. 100--101; Дубов, Седых, 1992. С. 115--123). Рядом с могилой зафиксированы доски от ладьи с заклепками и каменная ладьевидная вымостка, ориентированная по линии С--Ю. В инвентаре погребенных — две бронзовые скорлупообразные посеребренные и одна серебряная подковообразная фибулы, бусы стеклянные и из горного хрусталя, набор: нож, деревянная рукоятка которого обмотана серебряной проволокой, железные пружинные ножницы и костяной игольник с набором железных игл на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев, дирхем-привеска с ушком, серебряный перстень с сердоликовой вставкой, надетый на фалангу медвежьей лапы, золотое шитье от ворота одежды, остатки деревянного ведра, окованного железными обручами, и три лепных сосуда. В кургане найдены и кости жертвенных животных — лошади, барана и свиньи. Насыпь кургана 382 (диаметр 14 м, высота 2,15 м) носила следы раскопок в виде ямы и траншеи, отходившей от центра в восточном направлении. На кострище с использованием деревянных конструкций сруба были сожжены мужчина и женщина, а также конь, собака и хищник (волк или лисица). Среди инвентаря погребенного мужчины — великолепный поясной набор из бронзовых золоченых бляшек с изображением звериных масок, орнамента в виде скандинавской плетенки и уникальной бляшки с изображением мужской головы в шлеме, культовый предмет — амулет-привеска в виде “молоточка Тора”, ледоходный шип, костяной орнаментированный гребень. Здесь же найдены бронзовые бляшки и наконечники от конской упряжи. К инвентарю женщины относятся найденные стеклянные и каменные бусы, серебряный перстень с сердоликовой вставкой с надписью “Ибраим ибн Али”, стеклянный

флакончик для благовоний. Одежда ее была украшена золотым шитьем и скреплялась овальной скорлупообразной фибулой. Кроме того, при погребенной обнаружен целый набор бронзовых шумящих украшений — привески в виде утичьих лапок, колокольчиков, бубенчиков, пластинок и др. Инвентарь женского захоронения дополнялся шкатулкой-ларчиком (дошли железные оковки его стенок) с миниатюрным железным ножиком и расплавленными предметами из стекла, серебра и бронзы. Здесь же была найдена имитация медвежьей лапы из глины и обломки 4-5 лепных сосудов. Описанный выше комплекс относится к категории срубных гробниц, хорошо известных среди курганов некрополя (Дубов, Седых, 1993. С. 143--152; Недошивина, Фехнер, 1985. С. 112--113). Материал дает возможность определить этническую принадлежность захороненных во второй половине X столетия. Мужчина, без сомнения, был выходцем из Скандинавии. Женщина (жена или, быть может, наложница) происходила, вероятнее всего, из местной финно-угорской Среды.

Ряд интересных и богатых комплексов некрополя X — начала XI вв. был исследован в 1974 — 1979 гг. экспедицией Государственного исторического музея под руководством М.В. Фехнер (Недошивина, 1991. С. 165--181; Фехнер, 1985. С. 101--115; Фехнер, Недошивина, 1978. С. 70--89; Фехнер, Янина, 1978. С. 184--192), в том числе погребения в камерах (курганы NN 100, 348, 413 и 459) и курганы с находками оружия (NN 100 и 295).

Таким образом, при общей тенденции к последовательному уменьшению размеров курганной насыпи от ранних к поздним в рамках X века (Дубов, Седых, 1995. С. 112--113), сейчас мы располагаем значительной серией больших и богатых одновременно насыпей второй половины X в., отличающихся от большинства синхронных насыпей некрополя. Аналогичная картина наблюдается и в других ярославских могильниках. Перед нами — погребения представителей социальной верхушки, торгово-дружинного слоя, который сформировался в результате этнической и социальной консолидации общества. По мнению московских исследователей феодализирующейся знати принадлежит 13% всех курганов Тимеревского могильника (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 113--114), причем погребения в курганах 100 и 295 относят к боярским захоронениям (Недошивина, 1991. С. 173).

Процесс формирования господствующего класса был закономерным и происходил на всей территории Древней Руси одновременно. Благодаря более выгодному положению на

скрещении путей, в Гнездове социальный процесс получил большую завершенность, в частности, в формировании пяти дружинных могильников внутри двух групп некрополя (Ольшанской и гр. Сергеева), в каждом из которых имеются погребения военных предводителей в больших курганах и рядовых дружинников в малых. Кроме того, в Центральной группе сосредоточены самые большие и богатые курганы, составлявшие, вероятно, особое аристократическое кладбище Гнездова и отражавшие иной тип социальной организации общества. Расстановка последних соответствует топографическое расположение больших курганов Тимерева. Важно отметить среди рассматриваемых курганов под Ярославлем насыпи с плоским оформлением вершины. Таковы, например, курганы NN 200 и 285 Тимеревского и N 6 раскопок 1913 г. Михайловского могильников. Плоские вершины характерны, в первую очередь, для больших курганов Гнездова (Булкин, 1975. С. 134--145). Поставленный некогда вопрос о непосредственных контактах жителей Тимерева и Гнездова (Булкин, Дубов, 1978. С. 16--20) получил, таким образом, дополнительные аргументы в пользу его положительного решения.

Новые данные получены в процессе изучения средневековых городских центров Северной Руси. В 1988 — 1989 гг. при исследовании остатков курганного некрополя Пскова в восточной части Среднего города был открыт “большой курган” диаметром около 14 м (высота насыпи, к сожалению, осталась неизвестной). В состав комплекса входят жертвоприношения (два черепа лошади, собаки (?), разрозненные кости животных), многочисленный и разнообразный богатый погребальный инвентарь — пояс, накладки которого орнаментированы в стиле Борре, костяной орнаментированный гребень, набор амулетов-привесок, весы, гири, остатки ведра, фрагменты амфоры и др. Комплекс датируется второй половиной X — началом XI вв., и по предположению исследователей в кургане был захоронен “представитель формирующегося высшего социального слоя Древнерусского государства” (Колосова, Милютина, 1994. С. 123). В пользу этого говорит местоположение кургана (рядом с культовым камнем), его размеры и состав комплекса. Курган существенно отличается от прочих курганов могильника, среди которых известны и три камерных (“дружинных”) захоронения (Белецкий, 1995. С. 34--35).

В ряду больших курганов на территории Северной Руси следует, безусловно, рассматривать и сопкивидную насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладобе. Этот памятник не раз становился предметом специального исследования (Михайлов,

1995. С. 50--54; Носов, 1985. С. 147--155; Петров, 1994. С. 23--36). Несколько моментов заставляют нас включить эту насыпь в число анализируемых памятников. Среди них, например, топографическое расположение насыпи, ее безусловная связь со скандинавскими курганами могильника и, в частности, с насыпями, достаточно содержавшими захоронения остатков кремации в ладье и расположенными в ряд вдоль берега Волхова (курганы NN 1, 3, 5 и 7), само погребение, “характеризующееся рядом ярко выраженных индивидуальных черт” (Носов, 1985. С. 155), сопровождавшееся погребениями двух коней, многочисленным инвентарем — оружие, богатый пояс, костяное орнаментированное острие с навершием в виде дракона или волка, нож с серебряной обмоткой рукояти, железные пластины от деревянного ведра, ледоходные шипы и др. Особо следует отметить остатки погребального пиршества — тризны, среди которых выделяются козлиные рога двух особей. Козлы или бараны занимали центральное место среди жертвенных животных в комплексах больших курганов Гнездова (Авдусин, 1974. С. 77--83; Булкин, 1975. С. 139--143), что вполне определенно связывается исследователями со скандинавской погребальной традицией (Авдусин, 1974. С. 77; Петрухин, 1976. С. 160--163). Погребение в сопкивидной насыпи относится к захоронениям представитель “восноно-дружинной прослойки Ладоби” (Носов, 1985. С. 154). Несмотря на предложенную недавно узкую датировку комплекса — 890-е — 920-е гг. (Богуславский, Мачинская, 1993. С. 120), у нас нет оснований датировать данное погребение, которое следует относить к погребениям типа F — труположения в камере со специальным уступом для захоронения верхового коня — по типологии Г.С.Лебедева (Лебедев, 1977. С. 24--31; 1985. С. 71--82) в более узких пределах, нежели X век. С большими курганами Гнездова сопкивидную насыпь сближает также ее расположение (в начале започки) и соответствие погребального ритуала захороненного в сопкивидной насыпи и погребенных в малых курганах Плакуна (северная ориентировка — в направлении цепочки малых курганов, лицом к ним).

На территории Белорусского Полесья также были известны крупные курганные насыпи, которые могут рассматриваться в контексте больших курганов Древней Руси. Это пинские курганы, а также, возможно, курган в Бресте. В сводке Ю.В.Кухаренко учтены два ныне уничтоженных больших кургана в г. Пинске (Кухаренко, 1961. С. 20). Так называемая “могила Войшелка” — сына князя Мендовга представляла собой насыпь в форме усеченного конуса высотой

более 7 м и диаметром более 30 м. В ней были зафиксированы остатки большого кострища, где найдены пережженные кости животных и птиц, железные гвозди и пластинки от панциря, обломки неопределимых предметов. Ю.В.Кухаренко датирует этот курган концом X — началом XI вв. и, отмечая наличие трех подсыпок и поминальных костров, сопоставляет его по архитектуре с черниговскими большими курганами, в частности, с Черной могилой (Кухаренко, 1968. С. 87--90). Второй большой курган, располагавшийся, видимо, рядом с описанным выше, был раскопан в 1871 г. директором местных училищ Куклинским. Детальных описаний кургана нет, известно лишь, что в нем был найден саманидский дирхем Нуха ибн Насра, чеканенный в 952/53 г. в Самарканде (Кухаренко, 1961. С. 20). Таким образом, и второй пинский большой курган датируется не ранее второй половины X столетия. При описании археологических памятников древнего Бреста Ю.В.Кухаренко отмечает, что среди курганов на правом берегу р. Мухавца "один отличается большими размерами и возвышался над всеми остальными" (Кухаренко, 1961. С. 19)\*. Ближайшей аналогией пинским большим курганам Ю.В.Кухаренко вполне правомерно считал памятник сопредельной территории — "могилу Месяца" на берегу р. Буг у с. Гусьинне Грубешовского района в Польше (Кухаренко, 1968. С. 90). В насыпи этого кургана диаметром 27 м и высотой чуть более 5 м было зафиксировано кострище диаметром 6 м с остатками угольков и костей (неопределены) без вещевых находок. На основании найденных в насыпи кургана вещей из расположенного поблизости поселения, среди которых можно выделить железные и костяной наконечники стрел, шпоры, ножи, части обручей деревянной посуды, сошник, круговую керамику и др., Казимеж Журовски и Габриэль Миколайчик относят насыпку кургана к концу X или началу XI в. (Zurowski, Mikolajczyk, 1955. С. 251--267).

В целом, различающиеся в пределах Древней Руси в деталях, большие курганы отразили в своих

материалах процесс консолидации господствующего класса Древней Руси, который сопровождался утратой выраженных этнических различий и свидетельствовал о формировании новых этносоциальных группировок и материальной культуры, что определялось общими закономерностями развития древнерусского общества второй половины X столетия. Вполне вероятно, что идея больших курганов была принесена на Русь из Скандинавии, где традиция возведения высоких насыпей для погребения родовой знати — малых конунгов, возглавлявших небольшие территориальные объединения, существовала еще в вендельский период (Лебедев, 1977. С. 29--30; Randsborg, 1980. С. 127--129).

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д.А. Скандинавские погребения в Гнездово// Вестник МГУ, сер. История. М., 1974. N 1. С. 74--86.
2. Белецкий С.В. Несколько замечаний о языческом некрополе Пскова// Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 31--36.
3. Богуславский О.И., Мачинская А.Д. Сяское городище и поселения нижнего Поволжья (опыт сопоставления)// ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 118--122.
4. Булкин В.А. Большие курганы Гнездовского могильника// Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. XX. С. 134--145.
5. Булкин В.А., Дубов И. В. Тимерево и Гнездово// Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 16--20.
6. Дубов И.В., Седых В.Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья// Историческая этнография. (Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4). СПб., 1993. С. 143--152.
7. Дубов И.В., Седых В.Н. Тимерево в свете новейших исследований// Древняя Русь: новые исследования. (Славяно-русские древности. Вып. 2). СПб., 1995. С. 102--117.
8. Каргер М.К. Древний Киев. М., Л., 1958. Т. 1.
9. Колосова И.О., Милютин Н.Н. "Большой курган" древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59)// Археологическое изучение Пскова. Псков, 1994. Вып. 2. С. 110--127.
10. Кухаренко Ю.В. Пинские курганы// Славяне и Русь. М., 1968. С. 87--90.
11. Кухаренко Ю.В. Средневековые памятники Полесья// САИ. Вып. Е 1--57. М., 1961.
12. Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов)// КСИА, 1977. Вып. 148. С. 24--30.

\* В ходе обсуждения доклада эти данные были дополнены информацией, любезно предоставленной О.В.Иовым и И.А.Марзалоком. Согласно ей, ныне на территории Беларуси известно два сохранившихся больших кургана: один, диаметром более 20 м и высотой 6 м, расположен в дер. Озёры Крулянского района Могилевской области, другой — диаметром около 20 м и высотой до 5 м — находится в курганной группе у дер. Гора Краснопольского района Могилевской области.

13. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
14. Михайлов К.А. Захоронение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 50--54.
15. Недошивина Н.Г. Предметы вооружения из ярославских могильников// Ярославское Поволжье X--XI вв. М., 1963. С. 55--63.
16. Недошивина Н.Г. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника// Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 165--181.
17. Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. Погребальный обряд Тимеревского могильника// СА. 1985. N 2. С. 101--115.
18. Носов Е.Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогe// Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 147--155.
19. Петров Н.И. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогe: социокультурная позиция в "блоке" погребальных традиций Северного Поволжья// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 23--36.
20. Петрухин В.Я. Погребения знати эпохи викингов: (По данным археологии и литературных памятников)// Скандинавский сборник. Таллин, 1976. Вып. XXI. С. 157--169.
21. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова// МИА. 1949. N 11. С. 14--53.
22. Седых В.И. Раскопки в Тимереве// АО 1986 года, 1988. С. 100--101.
23. Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского Могильника по материалам погребального инвентаря// СА, 1987. N 2. С. 70--89.
24. Фехнер М.В., Янина С.А. Весы с арабской надписью из Тимерева// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 184--192.
25. Ярославское Поволжье X — XI вв. М., 1963.
26. Randsborg K. The Viking Age in Denmark. L., 1980.
27. Żurowski K., Mikołajczyk G. Sprawozdanie z badań kurhanu we wsi Husynne w pow. Hrubieszowskim w 1954 r.// Sprawozdania archeologiczne. Wrocław, 1955. T. 1. С. 251--267.